

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Прошло сто лет с того прискорбного раннего утра 15 февраля (третьего по старому стилю) 1857 года, когда вдали от своей Родины безвременно скончался гениальный русский композитор — Михаил Иванович Глинка. Образ этого замечательного, милого и простого человека, пламенного патриота и смелого художника все столетие жил неотрывно с его чудесными произведениями, покоряя многие поколения людей, становясь им все ближе и роднее.

Наше восприятие живого облика великого Глинки исходит из ощущения музыки, рожденной его горячим, благородным сердцем и светлым, пытливым умом. Дух бесмертных гениев русской культуры — Пушкина и Глинку мы всегда видим, словно наших современников, как бы непосредственно с ними общаясь.

Свидетельства людей, знавших Глинку и описавших его внешность, вполне гармонируют с волнующим впечатлением от глинковской музыки.

Вот Глинка в моменты подъема духа и поэтического вдохновения: «Всего поразительнее в нем оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то сверкающие искрами, то расширявшиеся и глубоко торжественные под наитием вдохновения...». (Воспоминания В. Соллогуба).

Натура Глинки — глубоко артистическая, нервно-впечатлительная, — приносила необычайно искреннему, отзывчивому и чуткому художнику огромные радости и величайшие страдания. С наибольшим подъемом Глинка творил, когда вокруг него были любимые друзья, внимательное общество, когда его новые работы вызвали пристальный интерес и симпатию, непосредственную отзывчивость. Большой успех героико-патриотической, национальной оперы «Иван Сусанин» в 1836 году, совпавший с еще оставшимися отзвуками патриотического подъема русского общества начала XIX века, на многие годы открыл творческую фантазию Глинки, влил в него могучие силы на свершение новых творческих подвигов. В результате — создание таких шедевров, как величественно-эпическая опера «Руслан и Людмила» (1837—1842 гг.), музыка к трагедии «Князь Холмский» (1840 г.), «Вальс-фантазия» (1839 г.), цикл романсов «Прощание с Петербургом» (1840 г.).

Равнодушие к опере «Руслан и Людмила» и начавшаяся вслед за этим полоса разрастающейся «итальяномании» петербургского бюрократического общества глубоко ранил композитора. Он мечется в постоянных переменах мест, скитаниях, тоскует по родине и в то же время ищет забвения в чужих краях.

К моральным переживаниям у Глинки присоединяются в этот момент прогрессирующие острые физические недомогания. И все же минуты упадка, когда, по выражению В. Стасова, Глинка «опускал крылья и переставал работать», сменяются у композитора еще большей решимостью идти вперед, открывать новые горизонты, новые, неизведанные музыкальные области. После создания удивительных по своему проникновению в испанскую народность увертюр «Арагонская хота» (1845 г.), «Ночь в Мадриде» (1851 г.), после «Камаринской» (1848 г.) и окончательной редакции «Вальса-фантазии» (1856 г.), явившихся краеугольным камнем всего русского симфонизма, Глинка, уже смертельно больной, едет в Берлин, где еще больше совершенствует свое мастерство, стремясь соединить опыт западной музыкальной полифонической науки с развитием русского многоголосия.

Какими величественными новыми творениями поразил бы еще мир Глинка, если бы жизнь его не прервалась в момент наивысшего творческого расцвета и философской зрелости композитора!

Гений Глинки развивался под влиянием того прогрессивного, что было в истории русского общества начала XIX века.

Ценными трудами советских музыковедов Б. Асафьева, А. Орловой, Е. Канн-Новиковой и других неопровержимо, с полной научной достоверностью доказано глубокое воздействие на творчество композитора событий и веяний эпохи 1812 года (с последующими затем годами бурного патриотического подъема) и идейно-эстетических воззрений декабристов (особенно в их борьбе за национальное искусство).

Детство и отрочество композитора, проведенное в селе Новоспасском, близ города Ельни, было полно глубокими впечатлениями от народной жизни смоленских земель, по которым в 1812 году прокатилась пламя партизанской войны. Устные рассказы участников великой патриотической борьбы, песни, прославляющие красоту родной земли, славных ратников, вло высмеивающие врагов, не могли не повлиять на впечатлительного ребенка. Глинке, как и Пушкину, посчастливилось иметь свою няню — Авдотью Ивановну, и она щедро напояла его творческое воображение чудесными русскими песнями и сказками.

Дальнейшие впечатления еще более расширили познание многообразного русского народного творчества. Музыкальное мышление композитора стало органически национальным. Многие сочиненные Глинкой мелодии трудно отличить от народных. Глубокое знание народного творчества в соединении с воспитанными в нем

К столетию со дня смерти М. И. Глинки

эстетическими принципами сообщило всей его музыке высочайшую народность.

Ранние детские песенные впечатления Глинки пополняются знакомством с церковным пением. Дед композитора Н. А. Глинка был страстным любителем этого искусства, он собирал старинные церковные напевы разных областей России и разучивал их со своим хором. Увлекался он и колокольным звоном — в торжественном перезвоне колоколов в финале оперы «Иван Сусанин», несомненно, есть частица далеких впечатлений Глинки от колоритной звонницы в Новоспасском.

Образы Сусанина, Антонида, Вани, Собинина (из «Ивана Сусанина»), Руслана, Людмилы, Бална (из «Руслана и Людмилы»), Ильинишны (из «Князя Холмского»), созданные Глинкой, явились результатом накопленных впечатлений от быта народного, от народной жизни.

Сестра Глинки Л. Шестакова писала: «...покойный брат горячо любил русский народ, понимал его... он умел говорить с ним, крестьяне ему верили... Одна его мысль была, одно желание, чтобы народ был вольный!».

И разве живые и величавые народные сцены опер Глинки не явились плодом этого понимания народа, любви к нему!

По свидетельству И. Панаева одним из любимых разговоров Глинки был разговор о будущем России, о русском народе. Если бы великий композитор мог предвидеть, какой любовью ответит ему эта будущая Россия, русский и другие народы!

В петербургском пансионе, в котором прошли четыре года жизни юного Глинки, преподавали и передовые, просвещенные педагоги (В. Кюхельбекер, К. Арсеньев, Э. Раунах, К. Герман, А. Куницын, А. Галич) и педагоги, отличавшиеся реакционными взглядами. Чуткий «внутренний слух» Глинки помог ему воспринять только то, что шло от передового лагеря.

После окончания пансиона и поступления на службу музыкальная жизнь Глинки проходила в тесной связи со многими крупными музыкальными салонами Петербурга, Смоленска. Знакомство с В. Жуковским, С. Голицыным, Е. Штеричем, сближение с М. Виельгорским, Н. Мельгуновым, П. Шевыревым вводит Глинку в широкий круг литераторов, артистов, художников. Глинка общается с А. Пушкиным, А. Грибоедовым, А. Дельвигом, Н. Гоголем, К. Брюлловым.

Бытовое музицирование в этом обществе, не теряя своей непосредственности, соприкасается уже с высшими критериями художественности. Так рождается совершеннейшее романсовое творчество Глинки, трогательное глубочайшей искренностью. Стасов писал, что романсы Глинка пишет не столько для публики, сколько для себя, выражая в них то или иное свое волнующее переживание.

Бесподобное мастерство глинковских романсов объяснялось еще и тем, что великий композитор был к тому же и превосходным исполнителем вокальной музыки. Об этом искусстве Глинки красочно сообщает А. Серов: «Могуче-гениальный, как творец музыки, он был столько же гениален и в исполнении вокальным. Тайно: с первых звуков переселять слушателя в ту особенную атмосферу, которая составляет задачу исполняемой музыки, в то особенное настроение духа, которое вызывается поэтическим смыслом песни, и держать слушателя под магнетическим обаянием от первого звука до последнего — этою магией Глинка обладал в высшей степени».

Самые прекрасные плоды принесла благодатная дружба с Пушкиным. Глинка пишет на его стихи много вдохновенных романсов. Классически совершенная поэзия Пушкина с могучей силой влияет на совершенство формы и глубину содержания музыки композитора.

Свободолюбивые идеи, народность не только жили в среде великих деятелей русской культуры, но и углубленно, многоохватно ими развивались. В. Жуковский, как известно, посоветовал Глинке взять темой оперы исторический подвиг Ивана Сусанина. Композитору понравилась эта идея. Но Глинка отверг монар-

хическую концепцию сюжета — спасение русским мужиком Сусаниным царя Михаила Романова и присоединился к демократической концепции К. Рыльева — Сусанин жертвует жизнью ради счастья и величия Родины.

Гигантская творческая победа Глинки, создавшего оперу «Иван Сусанин», необычайную по своему драматическому размаху, национальному духу, яркости героических образов, была победой и всего передового просвещенного русского общества.

«Такой подвиг, — писал талантливый музыкальный писатель В. Одоевский, — скажем, положи руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения!».

Еще более эмоциональны четверостишия Виельгорского и Пушкина, сочиненные ими в честь премьеры «Ивана Сусанина»:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселись, Русь! Наш Глинка —
Уж не Глинка — а фарфор.
Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

Поистине велико было сотрудничество славных русских художников, воодушевленных и объединенных одними свободолобными и патриотическими идеалами, одной страстью видеть свою Родину могучей и преуспевающей!

Сердечная творческая дружба Пушкина и Глинки вдохновила композитора и на создание оперы «Руслан и Людмила».

Узнав о новом замысле Глинки, Пушкин размышляет о существенных переделках в своей ранней поэме. Значит, вера Пушкина в русскую музыкальную оперу, пришедшую от успеха «Ивана Сусанина», была действительно прочной! Глинка в ряде сцен «Руслана» (с Фарлафом, Ратмиром, Черномором, Нанной) сохранил и переложил на музыку пушкинскую прозу, чудесно перемешал сказку с былью и создал величественное эпическое произведение о славе и силе героев древнего былинного Киева.

Однако, несмотря на то, что Глинка лично разучивал с труппой театра свою любимую оперу, новаторский «Руслан» не был понят публикой, увлеченной в то время фиоритурами модных итальянских опер. Глинка тяжело переживал эту неудачу и уехал за границу.

Совершив путешествие по Испании, Глинка, увлеченный испанскими песнями, танцами, красочными картинами испанской жизни, создает феноменальные для своей эпохи испанские увертюры, делающие честь и русской и испанской музыке. Он лелеет надежду исполнить эти произведения в Мадриде, перед испанскими слушателями, но и здесь увлечение «итальянскими идолами» помешало осуществлению этой идеи.

Глинка мечтал о том, чтобы русская музыка широко зазвучала за границей. Этого он хотел так страстно, как только может хотеть художник, убежденный в грядущем небывалом расцвете своего национального искусства.

Последнее письмо Глинки сестре, написанное за две недели до его кончины в Берлине, дышит гордостью за успех трио из «Ивана Сусанина», которое было исполнено под управлением Дж. Мейербера.

Родоначальник русской национальной музыки с большой любовью относился к талантливым русским композиторам-современникам. Своей тесной многолетней дружбой с А. Даргомыжским Глинка поставил пример безупречного товарищества. Заботясь о композиторском мастерстве Даргомыжского, он передает ему пять тетрадей своих записей по контрапункту и инструментровке, вписывает ему в альбом свою песню Ильинишны, а после успеха «Русалки» просит через Стасовых и Серова передать Даргомыжскому: «...я его люблю и уважаю всегда и очень искренно радуюсь его успеху...».

А. Серову Глинка продиктовал свои «Заметки по инструментровке» и с интересом следил за его деятельностью, всегда посылая ему сердечные приветствия.

В исключительно дружеских, творческих отношениях он состоял с семьей Стасовых, стараясь делиться с братьями Стасовыми своими мыслями, советовать по многим музыкальным и другим вопросам.

Он горячо приветствовал появление молодого, смелого композитора М. Балакирева, предсказывал ему «блестящую музыкальную будущность» и сразу же ввел его в круг своих близких друзей.

Русские музыканты, ощутив на себе внимание и любовь Глинки, передавали их из поколения в поколение. Еще и сейчас живут и работают композиторы, учившиеся у Балакирева и Римского-Корсакова, и живая сердечная нить от них тянется не только к музыке Глинки, но и к его приветливой улыбке, к его душевному отношению, завещанному русским музыкантам.

Пленительная музыка Глинки, богатая прекрасными, чистыми и возвышенными мелодиями и гармониями, блестящая по многообразию и совершенству формы, восхищает слушателей многие десятилетия, завоевывая горячий поклонников во всем мире. Бессмертен гений Глинки, патриота-художника! Велик его творческий подвиг, впитанный в венок славы русского народа.

Мариан КОВАЛЬ.